Солоницын Анатолий 18.4.96.

«Русская мысль»

Берлин — ЛИТЕРАТУРА, МЕМУАРЫ

Владимир Купченко

МОЙ ДРУГ АНАТОЛИЙ СОЛОНИЦЫН

Штрихи к портрету

Окончание.
Начало в «РМ» №4121.

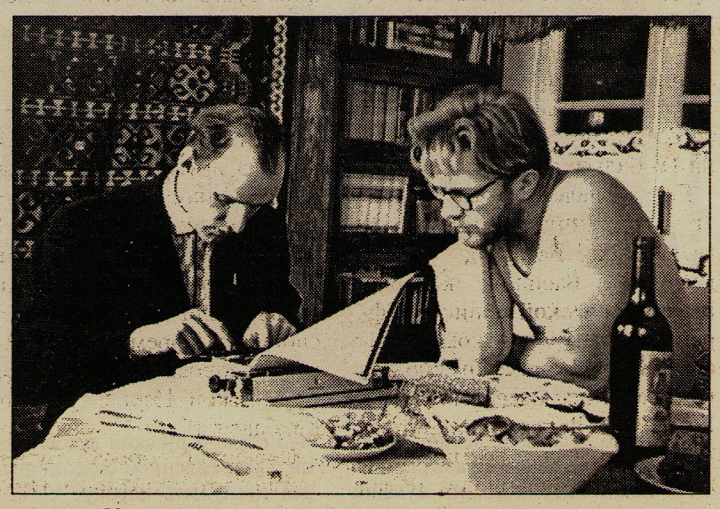
"Рублева" положили на полку (в прокат он пошел лишь в 1971) — и дорога Солоницына в кино шла тяжело, с большими "ухабами". 7 декабря 1966 г. я получил новое его письмо:

"Володя! Привет, старина! Пишу тебе уже из Минска. Перебрался сюда. В русский театр. Играю уже здесь два месяца. Готовлю Ярового в "Любови Яровой". А вчера предложили Протасова в "Детях солнца" Горького — думаю. Может быть, откажусь даже. Занят я сейчас много — боюсь надорваться. Играю три роли, почти главных, да еще репетирую сейчас сказку Е.Шварца "Снежная королева" — Сказочника. Удивительно, но от детских воспоминаний у меня осталась именно эта сказка — вот поворот судьбы! Репетирую с удовольствием — отдаю дань своему детству! (...) Адрес мой до безобразия прост, т.к. мне квартиру только обещают, живу на частной — короче, начал новую жизнь, все сначала. Тяжеловато, но — работа — всегда работа! Один у меня бог. Самый верный. Черкни: Минск, главпочтамт, до востребования".

В ответ на мои расспросы Толя 13 декабря 1966 объяснял: "В Минске я потому, что сюда приехал Адольф Алексеевич Ильин, помнишь его? (Бывший актер свердловской драмы — В.К.). Он меня и переманил. Была возможность остаться в Москве, но я не решился — ну ее в болото! Вечно куда-то ехать, куда-то спешить, болтаться вокруг пижонов и знаменитостей — это не по мне. Я — провинциал. Хотя тоже, стервец, обосновался в столице!"

Я тогда мучился недосугом работать творчески: в постоянных экскурсионных отлучках (а дома — перекопка и поливка сада), ютясь с женой и годовалой дочкой в одной комнатке, — это было куда как не просто! Но Толя мои жалобы не принял.

"Володька! Мне, честно говоря, не по себе, когда ты пишешь о том, что не можешь заставить себя писать. "Нужен — настрой. Нет времени. Мало сил". Все это так и есть, но, черт побери, не так много времени нам отпущено на жизнь! Мы что-то часто ссылаемся на нехватку сил, на время, на обстоятельства, на настрой. Честное слово, Вовка, садись — пиши: тихо, спокойно, без настроя, хотя бы по полстранички. Ставить себя в пример просто пошло, но знаешь, как мне приходится вкалывать: каждый день — репетиции утром, вечером — спектакль, между ними — халтуры, да еще надо почитать роль дома; я уже не говорю о бытовых условиях, которых, по сути говоря, нет. И то — думаю в свободное от работы и от стирки время писать сценарий для телевидения.



А.Солоницын (слева) и автор статьи В.Купченко. Коктебель, 1967.

И напишу. Увидишь.

Я прекрасно понимаю — как только начнешь размышлять о сути сутей, — все летит к чертовой матери! И тогда нужен настрой — все плывет.

А когда делаешь — мелочь отпадает. Ну, да ладно — что я это разошелся — ты сам все прекрасно понимаешь! (...)

Лара еще в Москве — после сессии, видимо, переведется в Минск; если не захочет — разойдемся. Время покажет".

Следующее письмо, от 10 мая 1967 г., пришло из Ленинграда, где Толя снимался на Ленфильме ("В огне брода нет" Г.Панфилова).

"Володенька! Наконец-то получил от тебя весточку. Рад!! Я ведь по воле судьбы с 1 по 9 мая был в Свердловске. Узнал, что и ты там был, и расстроился — увидеться хочется! "Рублева" положили на полку на весь 1967 год. Пробить его не сможет никто. Так что в этом году его не увидишь... под замком пролежит".

Обещая при первой возможности "вырваться" в Коктебель — "с женкой познакомиться и с дочурой поиграть", — Толя сообщал о своей семейной жизни: "Лариса-то у меня до сих пор учится в Москве. Я встречаюсь с ней раз-два в месяц — денег на дорогу тратим уйму, чтобы хоть как-то продержаться и выдержать. Сил и у нее, и у меня, бороться с этими подлыми обстоятельствами жизни осталось немного. Сейчас у нее сессия — ты-то знаешь, что это такое, а год у нее был тяжелый. Страшно, — наша разлука потихоньку приучает нас к одиночеству и поганому чувству тоски. Встречи от этого становятся все более и более нервными. (...)

Съемки прошли почти удачно, но промахи есть досадные. На натурных съемках постараюсь выровнять кое-что. (...) 15 мая еду в Муром. (...) В этом году наверное свидимся — верю!"

Он оказался прав: в конце года очередные киносъемки привели его в Ялту — и первые два-три дня декабря 1967 года Толя и Лара Солоницыны провели у нас в Коктебеле экскурсию по Южному берегу Крыма, я сам заглянул к нему в гостиницу "Ореанда", — где он познакомил меня с импозантным Гургеном Тонунцем (бывшим разведчиком-агентом, по словам Толи). В фильме "Один шанс из тысячи" сам он играл главную роль: советского капитана, заброшенного с группой десантников в оккупированный немцами Крым. По ходу сюжета он преображался в офицера-эсесовца — и похвалился, что достиг образцово-военной выправки, придумав подложить под ремень на поясницу дощечку! Наряду с Н.Гринько, Н.Крюковым ("Последний дюйм"), Жанной Прохоренко в фильме снимались дилетанты, и Толя шутил: "Один шанс из тысячи, что картина получится!" Тем не менее, в письме от 5 января 1968 он, по моей просьбе, сообщил все данные, нужные для информации о фильме, которую я и опубликовал в "Курортной газете" 24 января, под рубрикой "Снимается в Ялте".

Видимо, при встрече я передал Толе написанный-таки мной киносценарий "Экскурсия на два дня". В обстоятельном письме от 2 февраля 1968 из Одессы (куда перебралась съемочная группа) Толя весьма критически оценил этот мой опыт. "В кино обычно говорят так: "Если есть в сценарии 3-4 хороших сцены, — это хороший сценарий!" У тебя сейчас 1-2 сцены, а двух еще нет". Об одном из персонажей он заметил: "Не забывай, что все люди войны — особые люди: тупые — они и остались тупыми, но даже в них есть неповторимая и какая-то неуловимая черта — я называю ее слабостью. Он такой спокойный, такой твердый, что его человечность и простота сейчас какая-то определенная".

Собственные раздумья отразились и в других оценках. "Герой формируется очень определенно — добавь ему схоластики, "чертиков", непонятины. Дай ему какой-нибудь необоснованный импульсивный поступок, который бы можно было объяснить по-разному — и так, и эдак. И основное (это беда всех людей, увлекающихся кино): не режиссируй и не навязывай оператору своих видений кадров. (...) Ты — писатель. Напиши без "мы входим в автобус", "мы как бы выходим" и т.д. (...) Мне хотелось бы поговорить поподробнее — в письме ведь скажешь не все, да и не всегда понятно, но в начале марта я, видимо, снова буду в Ялте — думаю, увидимся, поговорим".

Увы, это письмо Толи оказалось последним (очень уж он был занят), а встречаться нам с тех пор довелось только в Ленинграде — куда Солоницын (после работы в новосибирском "Красном факеле") перебрался, получив "железное" обещание театра имени Ленсовета обеспечить его квартирой. Сначала все-таки была лишь комната в коммуналке (на Пушкинской) — где мы с Розой и навестили Солоницыных в первый же мой приезд в питерские архивы. Толя тогда уже увлекался орнаментальной росписью разделочных досок (у нас сохранились две, подаренные им) — и до упаду смешил нас анекдотами, которых помнил сотни и излагал мастерски. Вскоре, однако, появилась и собственная двухкомнатная квартира в доме на 4-й Советской; там мы бывали неоднократно, познакомились с Толиной дочкой Лялей, которую он обожал (как и вообще детей). Видимо, я привозил ему почитать первые главы книги о Волошине; 22 февраля 1974 г. Толя надписал мне свое фото в роли Сарториуса (фильм "Солярис"): "Дорогому Володе с пожеланием всех благ и окончания своей прекрасной работы, которая отблагодарит тебя и в 21 веке".

Однажды он взял нас на съемки эпизода в фильме Э.Климова "Агония". Он играл там маленькую роль какого-то полковника (главным героем был Г.Распутин — и фильм тоже отправился сначала "на полку"). В другой раз Толя провел нас на спектакль "Варшавская история", в котором на сцене были только он и Алиса Фрейндлих. После спектакля он повел нас в кафе на углу Невского (в просторечии "Сайгон"), угостив коньяком и бутербродами с икрой. Меня поразило, что швейцару — явно его знавшему — Толя вручил десятку: тогда это были немалые деньги, а наш друг не вылезал из долгов! Но, помимо поддержания реноме известного актера (чего он не скрывал), Толя всегда отличался безоглядной широтой натуры.

Конечно, мы смотрели почти все фильмы с его участием — особенно поставленные А. Тарковским ("Солярис", "Зеркало", "Сталкер"), радовались получению им роли Достоевского, которого он так любил и знал. Как-то я укорил его за "пристрастие" к ролям комиссаров и прочих парткомычей — Толя объяснил, что иначе нельзя, и то он еще от многих подобных отказывается!

В ноябре 1975 г. я провожал его в Москву, куда Толя ехал на репетиции Гамлета у Тарковского, — и, прохаживаясь по перрону, он сетовал, что его семейная жизнь дала трещину. Приехав вскоре в Москву, я не смог дозвониться до него в гостиницу, а сам он по оставленному мной телефону не позвонил... О последних годах Толиной жизни в Москве (о новой его жене Светлане, о смертельной болезни) я узнавал, в основном, от В.Савчука. И, услышав летом 1982 г. о его смерти, вспомнил фразу из давнего его письма: "Не так много времени нам отпущено"... Он работал на износ и не дожил двух месяцев до сорока восьми...

Ломоносов